В.П.Гребенюк

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА И ЭВОЛЮЦИЯ ГЕРОИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XI-XII вв.

В предлагаемой статье хотелось бы обратить внимание читателя на изменение героико-патриотического сознания русского народа, происшедшее после принятия христианства.

В древней языческой Руси сложился устойчивый идеал мужественного неприхотливого воина. Воина бесхитростного, но гораздого на неординарные решения и воинскую смекалку. "Повесть временных лет" донесла до нас эпически скупые рассказы о походах Олега на Царьград, которые сложились в дружинной среде. Эпически прост рассказ о бесстрашии Святослава, прославившегося в своих далеких походах против хазар и болгар, черкесов и осетин, против могущественной Византийской империи, заставившего с уважением говорить о себе византийских историков, признававших его бесстрашие и воинскую честь. Так Лев Диакон неоднократно отмечает воинскую храбрость Святослава в главе "О войне с Русью императоров Фоки и Иоанна Цимисхия". Интересно сопоставить рассказ Льва Диакона о выступлении Святослава перед дружиной, когда она дрогнула, окруженная греческими войсками, превосходящими ее в 10 раз, с соответствующим текстом "Повести временных лет".

Лев Диакон: "Свендослав же убедил их решиться на еще одну битву с ромеями, и либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх? Совет Свендослава пришелся им по нраву и все согласились встретить общими силами крайнюю опасность для их жизни"[1].

"*Повесть временных лет*". "Видевшие же Русь убояшася зело множьства вой и рече Святославъ: "Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжем костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, аз же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть то

промыслите собою". И реша вои: "Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ". И исполчища Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаща грьци"[2]. Как видно из сопоставления, христианин Лев Диакон и язычник Святослав однозначно оценивали ситуацию и видели единственный выход в сражении не на жизнь, а на смерть.

Речь Святослава к дружине свидетельствует о существовании традиции воинской ораторской речи к дружине перед битвой. Эта речь Святослава перекликается с обращением Игоря к дружине в "Слове о полку Игореве": "Братие и дружино! Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти"[3].

Воинское благородство, уважение к сопернику заключено в обычае Святослава предупреждать противника о походе: "Хочю на вы ити". Этической характеристикой Святослава служит и эпизод с греческими дарами. Когда Святослав не пожелал даже взглянуть на принесенное золото и паволоки, равнодушно повелел их спрятать, и наоборот, принесенные ему "мечь и ино оружие" ласкал и хвалил и просил благодарить царя, то именно в этом его поступке увидели послы устрашающую воинственность: "Лют се мужь быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлет"[4].

Святослав представлен в летописи образцом мужества, воинской чести и бесстрашия. Но его патриотизм ограничен интересами дружины. Завоевательные походы Святослава в Болгарию, успехи в войне с Византией оторвали его от Родины, которой угрожали печенеги. Не даром кияне упрекают Святослава: "Ты княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своея ся охабив, малы бо нас не взяша печенѣзи и матерь твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши нас, да пакы ны возмуть. Аще ти не жаль очины своея, ни матере, стары суща и дѣтий своих"[5].

Б.А.Рыбаков справедливо усматривает в этом укоре непонимание народом смысла далеких походов Святослава. В этом видит он причину молчания былин о Святославе, которое резко расходится с восторженной поэтической характеристикой этого князя в летописи. Нет лучшего доказательства народного, не придворного происхождения былин, чем то молчание былинного эпоса о князе-герое. Былинный эпос, выражающий народное восприятие истории, проигнорировал князя-героя, но его эпическая фигура представлена в летописном предании, отразившем корпоративные интересы княжеской дружины, мнением которой Святослав дорожил[6]. Совершить поступок, могущий повлечь насмешки дружины, для него столь же невозможно, сколь поступиться воинской честью и отвагой. Вот почему столь решительно отвергает он предложение своей матери, княгини Ольги, принять новую веру — христианство: "Како азъ хочю инъ законъ прияти единъ? А дружина моа сему смѣятися начнуть". Она же рече ему: "Аще ты крестишися, вси имуть тоже створити. Он же не послуша матере..."[7]. Так консерватив-

ные взгляды дружины и нежелание Святослава пойти против них и личным примером преодолеть косность помешали княгине Ольге в распространении христианства.

Сын Святослава Владимир вел в основном оборонительные войны с огромными ордами печенежских племен. Построенные им крепости и заставы заслоняли мирное население от неожиданных набегов кочевников. Эта деятельность князя получила общерусское признание и нашла яркое отражение в былинном эпосе. Родовые языческие верования и обряды, распространенные на Руси, не могли соответствовать нуждам консолидации русских земель. Владимир пытался "влить новое вино в старые мехи", устроив в Киеве пантеон языческих богов, но эта его затея не принесла успеха в деле религиозного объединения русских земель. Поиск духовного объединяющего начала завершился решением о принятии христианства, которое явилось для Руси прежде всего государственным делом, свидетельством ее исторического совершеннолетия, включением ее в мир христианской цивилизации.

Митрополит Иларион, обращаясь в своем "Слове о Законе и Благодати" ко времени крещения Руси и сравнивая Владимира с Константином Великим, заявляет о равноправии новокрещенной Руси среди других христианских народов, утверждая, что крещение произошло "не въ худе бо и не в неведоми земли... но в Русской, яже ведаша и слышама есть всеми четырьми концы земли". Эту землю прославили походы Игоря, Святослава и Владимира. Для Илариона запечатление героического в исторической памяти народа должно служить национальному самосознанию последующих поколений. Владимир, по утверждению Илариона, велик и славен не только как просветитель Русской земли, но и как потомственный носитель славы своего рода: "похвалим великаго кагана... внука стараага Игоря, сына славнаага Святослава, иже в своа лета владычествующе мужьством и храборъством послуша в странах многах, и победеми и крепостию поминаются ныне и словут"[8].

Христианская вера несла в себе и новую идею общерусского служения, заключающуюся в братской любви, милости, подчинения эгоистических интересов нормам христианской морали. Конечно, в одночасье не заменишь языческую мораль на христианскую. Борьба между ними продолжалась долгие годы и даже столетия, но первый пример в утверждении новых моральных норм дали сыновья Владимира Крестителя Борис и Глеб.

Как известно из нескольких памятников, после кончины Владимира его старший сын Святополк занял отцовский стол и начал раздавать подарки киянам, чтобы заручиться их поддержкой. Положение Святополка было неустойчивым, потому что киевская дружина находилась вместе с его братом Борисом в походе против печенегов. Узнав о том, что Борис отверг предложение дружины взять власть в Киеве в свои руки и что дружина оставила Бориса с малым числом приближенных,

Святополк решается убить Бориса, а затем и Глеба, и подсылает убийц.

В эпоху феодальных смут это было распространенным явлением, напомним, что примерно в это же время аналогично поступает Болеслав Храбрый в Польше и Болеслав Рыжий в Богемии.

Борис и Глеб погибают от рук убийц, но не вступают в борьбу с братом за власть. Страдальческая кончина братьев потрясла Русскую землю. Их христианская смерть освятила родовые понятия старшинства, а проклятие, тяготевшее над их убийцей Святополком, иногда удерживало русских князей от братоубийственных войн.

Если для Святослава мнение дружины было определяющим в его решениях и поступках, то его внук Борис отказывается от предложения своей дружины идти с нею на Киев, чтобы захватить отцовский стол, т.е. поступить согласно праву сильного, которое господствовало на Руси, судя по памятнику. Борис отрекается от этого права: "Не буди ми възяти рукы на брата своего и еще же и на старѣйша мене, его же бых имѣл акы отьца"[9]. Эта позиция вызвала неодобрение дружины, которая его покинула: "Си слышавъше вои разидошаса от него". В печали "крѣнъцѣ и тяжцѣ и страшьнѣ" Борис готовится принять смерть, но не нарушить христианскую заповедь. Это решение воспринимается окружающими как подвиг: "Милый господине наю и драгый! Колико благости испълненъ бысть, яко не въсхотѣ противитися любъве ради Христовы, а коликы воѣ держа в руку своею"[10].

Столкнулись две позиции: традиционная — языческая, диктующая поступки с позиции силы, которая господствовала не только в Киевской Руси, но и в последующие периоды отечественной истории, и новая — христианская, рассматривающая любовь к ближнему как высшее проявление человеческой добродетели. Борис и Глеб — первые русские канонизированные церковью князья-мученики. Помимо агиографических произведений, непосредственно посвященных им, образы Бориса и Глеба есть в различных жанрах древнерусской литературы. Там они представлены как небесные заступники и защитники русского воинства в его борьбе с внешними врагами.

Не только внешние враги несли горе Русской земле, не меньше тяготили ее междоусобные войны, раздоры, кровная месть. В языческие времена кровная месть воспринималась как должное. В повествовании о мести язычницы-княгини Ольги древлянам за убийство ее мужа князя Игоря Ольга выступает как героиня, ее кровная месть древлянам воспринимается как норма поведения. Языческое сказание о мести Ольги древлянам было внесено в "Повесть временных лет" без правки и комментария летописца, хотя его содержание и было несовместимым с христианской моралью. Кровные обиды и после принятия христианства во многом определяли поступки и действия людей.

Но новый идеалом братской любви и прощения постепенно завоевывает их сердца и умы. Примером может послужить "Письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу". Письмо написано по печальному событию и тем более величественным предстает здесь Владимир Мономах, сумевший подняться над личным горем — отступиться от мести Олегу за гибель в бою своего сына Изяслава: "А вѣ ему не будѣвѣ местника, но возложивѣ на Бога, и станут си пред Богом, а Русьскы земли не погубим".

Не только проповедью покаяния и прощения утверждает Мономах новые моральные принципы. Свое высокое понимание патриотического долга перед Русской землей он выражает в "Поучении", где на примерах собственного поведения утверждает идеал христианского князя. Этот идеал во многом продолжает суровые традиции Святослава, который полностью разделял со своей дружиной тяготы походов и воинского аскетизма. Но в отличие от Святослава Владимир Мономах показывает также пример христианского милосердия и подчинения личных интересов интересам Русской земли. О широте государственного кругозора Владимира и его заботах о Русской земле свидетельствует летописная повесть о походе на половцев, помещенная в "Повести временных лет" под 1111 г., где приводится речь Владимира перед Святополком и дружиною: "Како я хочю молвити, а на мя хотят молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощет погубить смерды и ролью смердом. Но се дивно ми, брате, оже смердов жалуете и их конеы, а сего не помышляюще, оже на весну начнет смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхав половчанинъ и ударитъ смерда стрелою и поиметь лошадь ту и жону его и дети его и гумно его зажжет. То о сѣмь чему не мыслите?"[11]

Слова Владимира Мономаха, обращенные к дружине перед битвой с половцами "Убо смерть нам здѣ, да станем крѣпко", прямо соотносятся со словами Святослава: "Уже намъ сде пасти, истягнем мужьски братья и дружино". Но описание битвы уже принципиально другое — исход битвы решает помощь божественных сил.

В Повести под 1111 г. героический дух русского воинства не только поддерживается традиционным призывом к воинской чести, но и сознанием своей православной веры и упованием на помощь и заступничество небесных сил: "И завътра, в среду, поидоша к Сугрову, и пришедше зажьгоша и, а в четвергъ поидоша съ Дона, а в пятницю завътра, мѣсяца марта въ 24 день, собрашася половци, изрядиша половци полки своя и поидоша к боеви. Князи же наши възложише надежю свою на Бога, и рекоша: "Убо смерть намъ здѣ. да станемъ крѣпко". И цѣловашася другъ друга, възведше очи свои на небо, призываху Бога вышняго. И бывшю же соступу и брани крепцѣ, Бог вышний возрѣ на иноплеменьници, и падоша мнози врази, наши супостати, предъ рускыми князи и вои на потоци Дегѣя.

И поможе Богъ рускымъ князем. И възаша хвалу Богу въ тъ день"[12]. В Повести перед читателем предстает не только картина сражения с традиционными образами воинской повести, где половцы наступают "яко борове велиции и тмами тмы", с гиперболическим изображением начала боя "трѣсну аки громъ", "сразившима челома", но и дается развернутая картина помощи русскому воинству небесных сил. Для большего воздействия на читателя автор вкладывает свидетельство о той помощи в уста пленных половцев, которые оправдывают свое поражение тем, что дана помощь свыше: "И брань бысть люта межи ими, и падаху обои. И поступи Володимеръ с полки своими и Давыдъ, и возрѣвше половцы вдаша плещи свои на бѣгъ. И падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху мнози человеци, и главы летяху невидимо стинаемы на землю. И побиша я в понеделникъ страстныи, мѣсяца марта въ 27 день. Избьени быша иноплеменницѣ многое множество, на рѣцѣ Салницѣ. И спасе Богъ люди своя. Святополкъ же и Володимеръ, и Давидъ прославиша Бога давшаго имъ побѣду таку на поганыя, и взяша полона много и скоты, и кони, и овцѣ, и колодниковъ много изомаша рукама. И въпросиша колодникъ глаголюше: "Како васъ толка сила и многое множество не могосте ся противити, но воскорѣ побѣгосте?" Си же отвѣщеваху, глаголюще: "Како можемъ битися с вами, а друзии ѣзжяху верху вас въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помагаху вамъ?" Токмо се суть ангели, от Бога послани помогать хрестьяномъ. Се бо ангелъ вложи въ сердце Володимеру Манамаху поустити братью свою на иноплеменникы, русьскии князи"[13]. Приведя многочисленные библейские параллели, призванные убедить читателя, что ангелы помогают праведным, автор завершает повесть утверждением, что "слава великая" о победе, одержанной русскими над половцами, разнеслась не только среди русских людей, но и среди греков, венгров, поляков, чехов и дошла даже до Рима. Тем самым локальному военному походу придаются глобальные масштабы, и даже, учитывая библейские параллели, вневременной смысл: "Яко же и се с Божьею помощью, молитвами святыя Богородицы и святыхъ ангелъ възвратишася русьстии князи въ свояси съ славою великою ко своимъ людемъ; и ко всим странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, донде же и до Рима проиде, на славу Богу всегда и ныня, и присно во вѣки, аминь"[14].

В эпоху нескончаемых войн между князьями-родственниками литература ясно высказала свое отношение к междоусобицам. Лишь один вид войны получал в литературе одобрение и освещение — это войны со степными кочевниками-язычниками, независимо от того, были ли они оборонительными или наступательными. По представлениям древнерусских писателей, войны с язычниками, с погаными были всегда справедливыми и несли в себе сакральный смысл. На стороне русских воинов

выступают небесные силы, которые и обеспечивали победу. Так, сила Животворящего креста помогает Андрею Боголюбскому одержать победу над волжскими болгарами. Покровительницей русских воинов чаще всего выступает Богоматерь, почитаемые иконы Богоматери берут зачастую на поле битвы, икона "Знамение" помогает новгородцам в их борьбе с суздальцами. Наряду с устойчивой формулой, что русским воинам в их борьбе помогает "Богъ, Святая Богородица и сила Честнаго Животворящего Креста", часто в качестве помощников выступают Архангел Михаил, Борис и Глеб. И в междоусобных распрях небесные силы выступают либо как защитники правой стороны, либо как "милостники". Так, в повести о походе Андрея Боголюбского на Новгород в 1173 г., рассказывая о разгроме, учиненном жителям новгородской земли их соседями, летописец приводит знамение, случившееся в Новгороде с тремя иконами Богоматери: "слышахомъ преже трѣи лѣтъ, бывъшее знамение в Новѣгородѣ всимъ людемъ видящимъ въ трѣхъ бо церквахъ Новгородскых плакала на трехъ иконахъ святая Богородица видевьши бо Мати Божия пагубу хотящюю быти надъ Новымъ-городомъ и надъ его волостью молящеть бо сына своего со слезами, абы ихъ отинудь не искоренилъ, якоже преже Содома и Гомора, но яко Ниневьгитяны помилова..."[15]. Летописец с одной стороны осуждает дружину Андрея Боголюбского за злодеяния: "И пришедъше, толко в землю ихъ много зла створиша: села взяша и пожьгоша, и люди исѣкоша, а жены и дѣти, и скоты поимаша"[16], подчеркивается мужество новгородцев в обороне города: "Новгородьци же затворишася в городѣ со князем Романомъ и бьяхуться крѣпко. Из города полци же пришедше сташа далече города, и приходяце полци бьяхутся крѣпко у города"[17]. А с другой стороны утверждает, что Андрей Боголюбский явился орудием Божественного замысла: "За грѣх навелъ и наказа по достоянью рукою благовернаго князя Аньдрѣя"[18].

Как мы уже отмечали, в языческие времена понятия "чести" и "славы" были определяющими в оценке деятельности князей. В своих речах перед дружинами русские князья также призывали воинов не уронить честь и славу русского оружия, предпочесть смерть в бою бесславному поражению. Феодосий Печерский в своем слове "О терпении и милости" отмечал, что русские воины "главы своея ни в что же помнят, дабы им не посрамлены быти"[19]. В "Слове о Законе и Благодати" митрополит Иларион с гордостью напоминает о "чести" и "славе", добытой Родине славными предками — первыми русскими князьями, т.е. личная "честь" и "слава" русского народа, таким образом, приобретает общенародную оценку.

В литературе XII в. понятие чести и славы чаще носит личное или родовое понятие. Так Изяслав и Ростислав говорят своему отцу Вячеславу "ты еси много добра похотѣл, но того не хотѣл брат твой ныне же отце хочем головы своя сложити за

тя, пакы ли в честь твою нальсти"[20]. Берендеи заявляют Юрию Долгорукому, что умирают "за Русскую землю с твоим сыном и головы своя укладем за твою честь"[21].

Понятия личной чести и воинской славы, сложившиеся в дружинной среде, раскрываются в некрологических характеристиках, в которых подчеркивается слава князя как грозного и непобедимого. В характеристиках князя обычны такие определения как "дерзок и крепок на рати", "храбр и крепок на рать", в заслугу князю ставится мстить за свой "сором" или "сором" Русской земли. Как отмечает Д.С.Лихачев, формула "да любо налезу собе славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю" с небольшими вариантами неоднократно повторяется в речах князей на всем протяжении XII-XIII вв.[22] В характеристике Владимира Мономаха указывается, что он был "украшенный добрыми нравы, прослувый в победах, его имене трепетаху вся страны и во всем землям проиде слух его"[23]. В то же время следует отметить, что в воинских повестях понятие личной воинской славы и чести, добытые в бою, контрастируют с настойчиво проводимым учением о христианском смирении. Так, в уже упоминавшейся летописной повести 1103 г. о походе семи русских князей на половцев самонадеянности степняков противопоставлена смиренная молитва, милостыня и церковные обеты русских князей: "Половцы же слышавше яко идуть Русь, и собрашася бес числа, и начаша думати, и рече Русоба: "Просим мира в Руси, яка крѣпко ся имуть бити с нами, мы бо много зла створохомъ Рускои земли". И реша уншии Урусобе: "Аще ся ты боиши Руси, но мы ся не боимъ, сихъ бо избивше и поидемъ в землю ихъ и приимемъ вся грады ихъ, и кто избавит ны от насъ". Рустии бо князи и вои моляху Бога и пречистии Его Матери ово кутьею, овъ же милостынею къ убогымъ, ови же манастыремъ требованья и сице молящимъся. Поидоша Половьци и посла передъ собою въ сторожь Алтунопу, иже словяще мужьствомъ, тако же и Русьстии князи послаша сторожѣ свои и въстергоша Алтунопу, и объступиша Алтунопу, и въбиша и, сущая с нимъ, ни един же избы от нихъ, но вся избиша. И поидоша полци Половецьстии аки борове, и не бѣ перезрити ихъ, и Русь поидоша противу имъ. И великии Богъ вложив жалость велику у Половцѣ и страхъ нападе на ня и трепетъ от лица Русьскыхъ вои, и дрѣмаху самѣ и конемъ ихъ не бяше спѣха у ногахъ. Русь же с весельемь на конихъ и пѣши потекоша к нимъ. Половци же видевше устремленье Руское на ся не доступивше побѣгоша перед Рускыми князи, наши же погнаша сѣкуще я въ 4 месяца априля и великое спасенье створи Богъ въ тъ день благовѣрнымъ княземъ Русьскымъ и всимъ хрестьяномъ, а на врагы нашѣ дасть побѣду велику"[24].

В противоположность самонадеянным половцам, которые не хотели "просить мира у Руси", русские летописи полны похвал русским князьям, смиренно отступающим от своих законных прав во имя сохранения мира, принимающим поноше-

ние от своих братьев с единственной целью предотвратить кровопролитие. Ярким примером этому служит "Слово о князьях", которое содержит призыв к князьям не враждовать брат с братом, познать "князи свое величество и свою честь", вспомнить своих славных предков — Святого Владимира, Бориса и Глеба: "Сима поревнутиту сею образ имѣите, сима накажетеся. Аще ли сотона коли вражду ввержеть между братьею до помянеть сею святою како смерть улюбита паче прияти"[25]. В качестве примера такого христианского поведения автор приводит черниговского князя Давыда Святославича: "Скажю же вы притчю о семъ, не в чюже странъ бывшю. Давид Святославичь а Святославъ Ярославичъ святаго Бориса и Глѣба брат, тот Давидъ ни с кѣм не имѣаше вражды. Аще кто на рать въздвигнеть, он же покорениемъ своимъ рать уставляше, княжаше в Черниговѣ въ большемъ княженьи, понеже бо старии братьи своеи. Аще кто кривду створше к нему от братьи он же все на собѣ притираше. Кому ли крѣстъ цѣловаше, въ весь живот свои не ступаше. Аще кто къ нему не исправляше цѣлования, он же единаго исправляше, никого приобидѣ ни зла створи"[26].

Лишь один вид войны не только принимается, но и настойчиво одобряется и прославляется — это война против степняков-язычников, совершавших опустошительные набеги на Русь. Древнерусский писатель предпочитал описывать воинскую доблесть, героику военных походов, когда она проявлялась не в междоусобных бранях, а в войне против язычников-половцев. Даже рядовые походы против них, оправданием которых служит защита русской земли, представляются делом "чести". С этим понятием в летописях тесно связан мотив "отмщения", походы против язычников рассматриваются как месть за причиненный ими вред русской земле: "А яз пойду в половци, мстив сорома своего"[27].

Междоусобные распри князей, их стремление сыскать себе "славу" и "честь", забывая о совместных скоординированных действиях в интересах обороны Русской земли от половцев, тревожили древнерусских писателей. Неудачный поход новгород-северского князя Игоря Святославича в 1185 г. против половцев отворил ворота степнякам на Русскую землю: "Погании же половци, побѣдивъше Игоря с братьею, и взяша гордость велику и скупиша весь язык свои на Рускую землю"[28]. На нет были сведены успехи военных подходов русских князей против половцев в 1183 и в 1184 гг. под руководством великого киевского князя Святослава Всеволодовича. Опустошению были подвергнуты окресности Путивля, взят град Римов, осажден Переяславль, где княжил Владимир Глебович, "дерз и крепок к рати".

Поход Игоря Святославича приковал к себе внимание летописцев и автора "Слова о полку Игореве", потому что наглядно показал, к чему ведет отсутствие единения между

князьями, призывал к совместному отпору степнякам. До нас дошли три разных произведения, посвященных этому походу: "Слово о полку Игореве", обширная летописная повесть, дошедшая до нас в составе Ипатьевской летописи, и краткая летописная повесть, имеющаяся в составе Лаврентьевской летописи. Все эти произведения объединены сознанием одной идеи, которую относительно "Слова о полку Игореве" сформулировал К.Маркс: "Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ"[29]. И эта идея выражена по-своему в каждом из указанных произведений. В Ипатьевской летописи — это покаянная речь Игоря к Богу, в которой он вспоминает свои злодеяния, рассматривая свое поражение как возмездие за грехи против русского народа: "Помянухъ азъ грѣхы своя пред господомъ Богом моимъ, яко много убийство, кровопролитье створих в землѣ крестьяньстѣй, якоже бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ город Глѣбовъ у Переяславля. Тогда бо не мало зло подъяша безвиньнии хрестьяни: отлучаеми отецъ от рожений своих, братъ от брата, другъ от друга своего, и жены от подружий своихъ, и дщери от матерей своихъ и подруга от подругы своея. И все сметено плѣном и скорбью тогда бывшею, живии мертвымъ завидя, а мертвии радовахуся, аки мученицы святѣи, огнемъ от жизни сея искушение приемши. Старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же прѣсекаеми и расѣкаеми бываюць, жены же осквѣрняеми. И та вся створивъ азъ,— рече Игорь,— не достойно ми бяшеть жити! И се нынѣ вижю отместье от Господа Бога моего: гдѣ нынѣ возлюбленный мой брат? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожения моего? гдѣ бояре думающеи? гдѣ мужи хорабрствующеи? гдѣ рядъ полъчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? Не ото всего ли того обнажихся! И связана преда мя в рукы безаконьнымъ темъ. Се возда ми Господь по безаконию и по злобѣ моей на, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою"[30].

В Лаврентьевской летописи эта идея реализуется через осуждение Ольговых внуков, затевающих поход "само о собѣ": "Мы есмы ци не князи же? Такыже собѣ хвалы добудем!"[31]. Осуждению подвергается и бахвальство и самонадеянность участников похода, их стремление взять "до конца свою славу и честь": "Братья наша ходили с Святославомъ, великим князем, и билися с ними, зря на Переяславль, а они сами к ним пришли, а в земли ихъ не смѣли по них ити. А мы в земли их есмы, и смѣхъ избили, а жены их полонены, и дѣти у насъ. А нонѣ поидемъ по них на Донъ и до конца избьемъ ихъ же ны будет ту побѣда, идем по них и луку моря, гдѣже не ходили ни дѣти наши, а возмем до конца свою славу и честь". А не вѣдуще Бинья строенья"[32].

В "Слове о полку Игореве" также говорится о чести и славе: выражение "ищучи себѣ чти, а князю славы" рефреном прохо-

дит через все произведения. "Слово" "буквально наполнено этими понятиями. Все русские князья, русские воины, города и княжества выступают в "Слове" в ореоле славы или хулы"[33]. Постоянно говоря о дедней славе, славе родовой, княжеской, которую делят, похищают, наследуют, автор вкладывает новый смысл в понятие славы в обращениях к князьям Всеволоду, Рюрику и Давиду, Ярославу Осмомыслу, Роману, Мстиславу, Ингварю и Всеволоду Ярославичам, Роману, Святославу, Всеволоду Мстиславичам. Русские князья призываются вступить в золотые стремена прежде всего "за обиду сего времени, за землю Русскую..."

Призыв загородить Полю ворота, спасти свою Родину, "побарая за христианы на поганыя пълки", будет не одно поколение русских людей вдохновлять на борьбу за родную землю. Автор обратился к незначительному походу Игоря Святославича новгород-северского не только для того, чтобы воспеть доблесть русских воинов, воспеть славу князьям, как это делали его предшественники Боян и Ходына, его беспокоят прежде всего судьбы русской земли, в прошлом и настоящем он ищет подтверждения своей идеи о гибельности для русской земли раздоров и разногласий перед угрозой воинственных степняков. Подлинным героем выступает в его произведении русский народ, борющийся с врагами, храбрые русичи, продолжающие богатырские традиции героического прошлого.

С понятием христианства борьба с внешними врагами получила религиозное переосмысление как борьба с погаными язычниками, в этой борьбе на стороне русских воинов было не только их бесстрашие, воинская доблесть, храбрость и удаль, но и сознание своего нравственного превосходства над врагом, вера в небесное заступничество и помощь. Во времена непрекращающейся борьбы со степняками важна была сплоченность и единство народа, объединенного единой верой. Корпоративные интересы княжеской дружины подчиняются общенародным в связи с пониманием необходимости ратного труда для защиты своего народа, своей земли, всех христиан. Это понимание находит отражение и в цикле былин о киевских богатырях, служащих у Владимира Святославича, охраняющих границы русской земли. Эту службу народный эпос представляет не как вассальную повинность киевскому князю, а как служение всей русской земле, интересы родины для былинных богатырей стоят на первом месте. За землю русскую, а не за Владимира выступает Илья Муромец против врага:

"Я иде служить за веру христианскую,
И за землю российскую
Да и за стольныя Киев град"[34].

Эти патриотические идеи русского героического эпоса нашли отражение и в других сферах духовной жизни. Не случайно, приобщаясь к высотам византийской православной культуры,

русские неофиты такое значение придавали почитанию святых воинов: Георгия Победоносца, Федора Тирона, Федора Стратилата, Дмитрия Солунского и главы небесного воинства — Архангела Михаила, а среди памятников переводной литературы опять же на первом месте стоят произведения, воспевающие героические подвиги воинов: Александрия, "Девгениево деяние", "Иудейская война" Иосифа Флавия.

Именно в начальный период становления русской литературы формируется ее своеобразие как литературы высокого гражданского служения всей русской земле. Описывая борьбу с иноземными нашествиями, осуждая распри и междоусобные брани, древнерусский писатель призывал к покаянию и молитве, к нравственному очищению, которое служило залогом духовного единства народа.

---

1 Лев Диакон. История / (Памятники исторической мысли). М., 1988. С.130.
2 Повесть временных лет / (Литературные памятники). Ч. I, М.-Л., 1950. С. 50.
3 Цит. по: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С.374.
4 Повесть временных лет, С. 51.
5 Там же. С. 48.
6 Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 347.
7 Повесть временных лет. С. 46.
8 Цит. по: Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч. I. М., 1986. С. 26-27.
9 Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 284.
10 Там же. С. 286.
11 Повесть временных лет... С. 190.
12 Там же. С. 191.
13 Там же. С. 192.
14 Там же. С. 195.
15 Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1962. Стлб. 561.
16 Там же. Стлб. 560.
17 Там же. Стлб. 560.
18 Там же. Стлб. 561.
19 Памятники древнерусской церковно-учительской литературы / Под ред. А.И.Пономарева. Вып. 1. СПб., 1894. С. 39.
20 Ипатьевская летопись. Стлб. 437.
21 Там же. Стлб. 480.
22 Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.-Л., 1958. С. 50.
23 Лаврентьевская летопись. Стлб. 1125.
24 Ипатьевская летопись. Стлб. 253-254.
25 Памятники литературы Древней Руси... С. 338.
26 Там же. С. 340.
27 Ипатьевская летопись. Стлб. 1213.
28 Памятники литературы Древней Руси. Т. II. С. 358.
29 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 29. С. 16.

30 Памятники литературы Древней Руси. Т. II. С. 356.

31 Там же. С. 366.

32 Там же.

33 Лихачев Д.С. “Слово о полку Игореве”. Историко-литературный очерк. М., 1976. С. 82.

34 Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Изд. II-е. Т. III. Вып. 1. СПб., 1900 (Сборник ОРЯС. Т. 61) С. 329.